

Личность и технология в педагогическом процессе (А.С. Макаренко: «анатомия» педагогического успеха)

Слуцкий Вадим Ильич — преподаватель кафедры педагогики и психологии Современного гуманитарного университета, аспирант кафедры общей педагогики Карельского педагогического университета

Вопрос о роли личности педагога и технологии в педагогическом процессе — это один из вечных вопросов педагогики. Ретроспективный перечень ответов на него, пожалуй, мог бы составить своего рода «костяк» истории нашей науки, потому что именно в этих ответах, по нашему мнению, ярче всего проявляется понимание сути педагогической деятельности, характерное для данного общества и данной эпохи. Как же отвечает на этот вопрос современная российская педагогическая мысль?

Ответы, конечно, разные, но можно констатировать довольно заметную «технологизацию» нашего педагогического мышления. Прежде всего и теоретиками, и практиками сам термин «технология» сейчас употребляется явно чаще, чем 10–15 лет тому назад. На «огромное количество публикации по поводу технологий в образовании»* обращает внимание В.В.Гузеев. «Технология» — это модный педагогический термин, по крайней мере в русскоязычной педагогической литературе. Чем это можно объяснить?

* Гузеев В.В. Можно ли построить полностью детерминированный образовательный процесс // Школьные технологии. 2000. № 1. С. 264.

Понятие «технология» заимствовано педагогикой из производства и означает «стандартизированный процесс» с заранее заданной последовательностью операций, осуществив которые «определённым способом и в определённом порядке»* мы гарантированно (или почти гарантированно) получаем из данного материала некий заранее запланированный продукт определённого качества. Само слово «технология», как и очень многие слова нашего языка, несёт в себе сильный эмоциональный привкус, психологическую установку, даже некое мировоззрение, неявно включённое в семантику этого понятия. Это мировоззрение следующее: человек, склонный с большим доверием относиться к технологии, считает, что достижение результата в его деятельности зависит только (или главным образом) от: 1) качества материала; 2) правильной технологии его обработки; 3) профессионализма работника.

* Словарь русского языка: В 4 т. Т. IV. С. 364.

От личных качеств работника не зависит ничего или почти ничего. Это очень удобно, поскольку позволяет прогнозировать и даже гарантировать результат независимо от того, кто — какой человек — занят в самом процессе: это может быть эгоист или альтруист, человек ответственный и самостоятельный или легкомысленный и инфантильный, независимый или склонный к конформизму — всё это неважно, может быть «выведено за скобки». Сам процесс здесь понимается как стандартный (нетворческий) и безличный, легко планируемый и воспроизводимый.

Подобное восприятие термина «технология» и, соответственно, реальное его употребление характерно и для современных российских учёных-педагогов, и для педагогов-практиков. Очевидно, существуют некие закономерности развития нашей науки, приводящие — на определённых этапах этого развития — к преувеличению роли педагогической технологии в педагогическом процессе. То, что названия типа «Технологии воспитания в современных условиях» (лекция проф. Н.Л. Селивановой, прочитанная 28.XI.2000 г. в Петрозаводске) стали визитной карточкой нашей педагогики конца XX века, не случайно. Видимо, можно говорить о «соблазне технологизма» в педагогике, о том, что в какие-то периоды педагоги особенно склонны поддаваться этому соблазну. Отчего же это происходит? Может быть, и впрямь хорошая технология в педагогическом процессе является гарантией успеха?

Одним из родоначальников технологического мышления в нашей педагогике был А.С.

Макаренко. Его высказывания об отсутствии принципиальной разницы между технологией обработки металлов и педагогической технологией (технологией воспитания) настолько широко известны*, что не нуждаются в цитировании. А.С. Макаренко добился в своей практической педагогической деятельности редкого успеха. Значит ли это, что он был прав: воспитывать так же легко, как быть фрезеровщиком**, а результат зависит, главным образом, от технологической правильности процесса?

* См., напр.: Выступление на заводе «Шарикоподшипник» 24 октября 1936 г. // А.С. Макаренко. Педагогические сочинения: В 8 т. т. 4. М.: Педагогика, 1984. С. 32–33.

** Макаренко А.С. Педагогическая поэма. М.: Худож. лит., 1987. С. 533.

За счёт чего был достигнут педагогический успех колонии им. Горького и коммуны им. Дзержинского? Если за счёт технологии, то тогда надо полагать, что, придя работать в колонию, А.С. Макаренко уже её имел. Но это не так. Формулировать основы своей педагогической технологии воспитания личности через коллектив А.С. Макаренко начал в 1922–1923 гг., когда педагогический успех колонии уже определился*. За счёт чего же он был достигнут?

* См.: Макаренко А.С. Очерк о работе Полтавской колонии им. М. Горького // Педагогические сочинения: в 8 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983. С. 44–53.

Не имея ясных представлений о технологии воспитания, А.С. Макаренко тем не менее принёс в колонию многое другое, достигнутое в предыдущие годы школьной работы (он учительствовал с 17 лет). Одна из первых его учениц, К.М. Безрук, утверждает, что ещё в юности «он пользовался огромной любовью у детей»*. Ту же характерную черту Настоящего Педагога отмечает у А.С. Макаренко и К. Чуковский: «Ни раньше, ни потом я не видел, чтобы люди (воспитанники коммуны. — В.С.) так благодарно и преданно любили своего воспитателя»**. Горячая любовь к своему «завколу» действительно видна в каждой строчке, написанной о нём его выпускниками***.

* Его первая ученица (Ксения Макаровна Безрук) // Учительская газета. 1980. 13 марта. С. 2.

** Чуковский К.И. Макаренко // Современники. Портреты и этюды. М.: Мол. гвардия, 1963. С. 539.

*** См., напр.: Редактору «Литературной газеты» О. Войтинской и критику Ф. Левину // Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. Т. 7. М.: Педагогика, 1986. С. 292–295.

Можно предположить, что в значительной мере эта любовь к Педагогу была «отражённым светом». Известно, как любил своих воспитанников сам А.С. Макаренко: они были для него главным содержанием и смыслом его жизни. К.М. Безрук, встречавшаяся с А.С. Макаренко в Москве незадолго до его смерти, говорит: «Сколько тоски было в его глазах по ребятам»*. Он избегал разговоров о любви к детям, но она ощущается в каждой написанной им строке.

* Его первая ученица (Ксения Макаровна Безрук) // Учительская газета. 1980. 13 марта. С. 2.

И любовь эта была особого качества: взрослые, **так** любящие детей, крайне редки. Оставаясь взрослым, иным, чем они, он никогда не отделяет себя от них, не говорит «они», а говорит «мы». «Ваше имя (М. Горького. — В.С.) и Ваша личность для всех нас лучшее доказательство, что мы тоже люди»*. «...назло всем милиционерам, которые нас «тыряли» по участкам и угрозыскам»**, «нам сам чёрт не брат»***. Чувствуется, что это не риторическая фигура, что он действительно на глубинном личностном уровне **объединял** себя с ними **в одно целое** — в семью: он так чувствовал, так думал, так жил. И был счастлив этим. Он не работал с детьми, он жил с ними одной жизнью. И каждого воспринимал как часть самого себя: М. Бубер называет это «включающим восприятием»**** — педагог, по Буберу, должен научиться особым образом **относиться** к ребёнку, уметь строить с ним особые **человеческие отношения**. «...Ребёнок должен поверить, что учитель искренне желает принять участие в его жизни. Ребёнок хочет убедиться, что он не «объект педагогического воздействия» в руках взрослого, который преследует по отношению к нему собственные цели. И от учителя тре-

буется доказать, что ребёнок дорог ему сам по себе, независимо ни от каких посторонних целей. Отклик рождает доверие»*****.

* Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983. С. 221.

** Там же. С. 223.

*** Там же. С. 222.

**** Слуцкий В.И. Философия образования Мартина Бубера // Педагогика. 2000. № 8. С. 94–99.

***** Там же. С. 96.

Взгляды М. Бубера, высказанные в 1929 г.*, конечно, не могли быть известны А.С. Макаренко. Тем не менее он строил отношения со своими воспитанниками «по Буберу», а именно такое отношение педагога к ребёнку делает последнего **воспитуемым**, создаёт как бы «мостик человечности» между его душой и душой Учителя. И вот это уже умел А.С. Макаренко, научился этому (вернее, **воспитал в себе**) до своего прихода в колонию им. Горького. Его же совершенно исключительное влияние на колонистов объяснимо также тем, что они были в большинстве сироты. В отчётной ведомости Полтавской трудовой колонии для дефективных детей им. Горького за ноябрь 1922 г. заведующий указывает, что из числа его воспитанников имеют родителей — 7, полусироты — 12, круглые сироты — 60**, и «завкол» заменил им отца, колония же заменила семью.

* Курцвайль Ц.М. Бубер и современная педагогическая мысль // Новая еврейская школа. 2000. № 6. С. 29.

** Отчётная ведомость Полтавской трудовой колонии для дефективных детей им. М. Горького за ноябрь 1922 г. // Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983. С. 13.

А.С. Макаренко как личность с детства отличался огромной жаждой лучшей жизни и повышенным уровнем мотивации достижений. Возможно, это отчасти объясняется «плебейским» происхождением способного, честолюбивого ребёнка. Его стремление стать Настоящим Педагогом, добиться успеха (не внешне-карьерного, а подлинного) в своей профессии, очевидно, сыграло решающую роль в его становлении как личности. ...«Встречал я людей, которые и личностями-то в полном смысле слова становились уже в процессе общения с ребятами (они сами об этом говорили!), а когда впервые пришли к своим мальчишкам и девочкам, никакими особыми качествами не обладали — разве что честны были да деятельны», — пишет журналист В. Хилтунен*. Действительно, ничто так не способствует успешному самовоспитанию, как бескорыстное стремление воспитать других. В результате в колонию пришёл человек целеустремлённый, цельный, духовно сильный, ярко-эмоциональный, бескорыстный, самоотверженный, исключительно преданный, чрезвычайно ответственный («Он законно гордится тем, что обладает каким-то беспокойством, желанием всё сделать лучше»**), скромный, но достаточно честолюбивый***, с высоким уровнем достижений, продуктивный и творческий, смелый, не боящийся никакого риска, волевой и решительный, с высочайшей самодисциплиной, выдержкой, самостоятельным мышлением, пытливостью, огромным интересом к воспитательной проблематике. У него было ясное представление о **цели воспитания** — была программа воспитания человеческой личности, или «нового человека», как он это называл: было чёткое представление о том, какими людьми должны стать его воспитанники, и была абсолютная вера в то, что они такими могут и обязаны стать. «Надеюсь, что мне удастся заразить куряжан хоть небольшим пафосом, увлечь моей верой в их человеческую ценность»****, — пишет он в письме Горькому. И он действительно их заражал своей верой: его мечта о них, о том, какими они должны быть, оказалась мощным фактором, формирующим их личности.

* Хилтунен В. Братство общего ключа. М.: Дет. лит., 1990. С. 20.

** Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. т. 7. М.: Педагогика, 1984. С. 380.

*** Так, в статье «Полнота советской жизни рождает красочные новеллы» А.С. Макаренко вспоминает, как в 1915 г. написал свой первый рассказ, чтобы «освободиться от профессии учителя, стать писателем и завоевать славу». // Педагогические сочинения: в 8 т. т. 1. М.: Педагогика, 1986. С. 96.

**** Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. т. 1. М.: Педагогика, 1983. С. 231.

Воспитанники кажутся А.С. Макаренко самыми прекрасными людьми. «...Мне кажется, что в нашей литературе (новой) о молодёжи не пишут правдиво, а я очень хорошо знаю, какая это прелесть — молодёжь, нужно об этой прелести рассказывать»*. Критик Ф. Левин упрекал автора «Флагов на башнях» в изображении идиллии, сказки, в том, что у него **все дети красивые**. А.С. Макаренко отвечал: «Я не принимаю Вашего упрёка в том, что в моей повести много красивых. Я такими вижу детей — это моё право»**. «Я любовался своими хлопцами»***, «меня до слёз трогает моя шайка»****, — пишет он Горькому. И эта любовь требовательная, формирующая личность.

* Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. т. 1. М.: Педагогика, 1983. С. 254.

** Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. т. 1. М.: Педагогика, 1986. С. 207.

***Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. т. 1. М.: Педагогика, 1983. С. 229.

**** Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. т. 1. М.: Педагогика, 1983. С. 226.

Первым камнем в здании педагогического успеха колонии им. Горького стал, казалось бы, совершенно антипедагогический поступок заведующего колонией: избивание воспитанника. Задоров — синтетический художественный образ, тем не менее сам факт сомнению не подлежит. Результат этого поступка в том, что воспитанники стали соблюдать дисциплину. Какая же тут связь, как объяснить такой результат?

Сам А.С. Макаренко анализировал этот педагогический факт неоднократно. Во-первых, в «Педагогической поэме». «Самое неприятное то, что ведь ребята о вашем подвиге рассказывают с упоением. Они в вас даже готовы влюбиться, и первый Задоров. Что это такое? Я не понимаю. Что это, привычка к рабству?» — спрашивает Екатерина Григорьевна. «Нет, тут не в рабстве дело. Тут как-то иначе. Вы проанализируйте хорошенько: ведь Задоров сильнее меня, он мог бы меня искалечить одним ударом. А ведь он ничего не боится, не боятся и Бурун и другие. Во всей этой истории они не видят побоев, они видят только гнев, человеческий взрыв. Они же прекрасно понимают, что я мог бы и не бить, мог бы возвратить Задорова, как неисправимого, в комиссию, мог причинить им много важных неприятностей. Но я этого не делаю, я пошёл на опасный для себя, но человеческий, а не формальный поступок»*. Интересно, как А.С. Макаренко описывает своё поведение в сцене избивания. Казалось бы, человек вышел из себя, потерял контроль над собой, но нет: как только Задоров «со стоном прошептал: «Простите, Антон Семёнович...», он тут же берёт себя в руки, несмотря на свой «дикий и неумеренный» гнев. Видимо, гнев этот является именно **ответом** на поведение Задорова в конкретном эпизоде и на поведение воспитанников в течение всех предыдущих месяцев, и ответ этот вполне адекватный. Впоследствии А.С.Макаренко писал: «Эти побои показали, во-первых, плохую подготовленность как воспитателя, плохую мою вооружённость педагогической техникой и плохое состояние нервов, отчаяние. Но это не было наказание. Это также было **требование** (выделено мной. — В.С.)**.

* Макаренко А.С. Педагогическая поэма. М.: Худож. лит., 1987. С. 17.

** Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. т. 4. М.: Педагогика, 1984. С. 150.

В статье «О моём опыте» А.С. Макаренко так комментирует этот эпизод: «...я был очень удивлён, когда на меня посыпались обвинения, что я рекомендую побои. ...Успех этого случая проистекал не из моего метода, а находился в зависимости от случайного человеческого объекта моего физического воздействия. Не всякому удастся натолкнуться на такого человека, которого ударишь, а он протянет тебе руку и скажет: «Я тебе помогу» и действительно поможет»*. Наконец, на одной из встреч с читателями он говорил: «Интересный вопрос относительно Задорова. «Неужели вы думаете, что этот метод принёс пользу?» — спрашивает меня автор записки. Конечно, никогда я этого не думал. Это было полное отчаяние, бессилие. Если бы на месте Задорова был кто-нибудь другой, может быть, это привело бы к катастрофе, но Задоров был благородным человеком, он понял, до какого я дошёл отчаяния, он нашёл в себе силу протянуть руку и сказать: «Всё будет хорошо». Разве этого не видно? Если бы я

ударил того же Волохова, то мог быть им избит»**.

* Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. т. 4. М.: Педагогика, 1984. С. 257.

** Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. т. 7. М.: Педагогика, 1986. С. 195.

Итак, по мнению самого А.С. Макаренко, всё дело не в нём, а в Задорове, который оказался благородным человеком, что в данном случае является случайным обстоятельством. Действительно это так? Почему **так** повёл себя сам избитый и его товарищи, вместе с которыми он составлял на тот момент сплочённую «свору бандитов»?* Всмотримся внимательно в этот эпизод.

* Макаренко А.С. Педагогическая поэма. М.: Худож. лит., 1987. С. 14.

«Я вдруг увидел, что он страшно испугался. Белый, с трясущимися руками, он поспешил надеть фуражку, потом снял её и снова надел. Я, вероятно, ещё бил бы его, но он тихо и со стоном прошептал: «Простите, Антон Семёнович...»*

* Макаренко А.С. Педагогическая поэма. М.: Худож. лит., 1987. С. 14.

Какое же тут «благородство»? Благородство человека **в таком положении** (когда его избивают) проявиться не может: тут чисто эмоциональная реакция, и вот она-то как раз очень интересна, потому что это реакция **ребёнка**, на которого **очень рассердился его любимый и уважаемый отец**, самый близкий и значимый для него взрослый.

Мы знаем, что дети реагируют на гнев, замечания, наказания, требования взрослых совершенно по-разному, в зависимости от того, **кто** требует, **кто** наказывает. Если это **чужой**, то ребёнок неизбежно встречает любые попытки вмешаться в его жизнь в штыки. И совершенно по-другому воспринимаются воздействия того, с кем у ребёнка есть **человеческая связь**, кто **значим** для него на личностном уровне.

И именно так реагирует Задоров, и именно так реагируют **остальные воспитанники**. Заметим, все они реагируют **одинаково**, хотя как люди они все разные. А.С. Макаренко неправ: если бы он ударил Волохова, было бы то же самое. Ведь Волохов — друг Задорова, безраздельно преданный ему: однако он не кинулся его защищать.

Откуда же эта человеческая связь? Да, все эти первые месяцы колонии её великовозрастные воспитанники внешне вели себя вызывающе, не подчинялись дисциплине, но они всё-таки жили в колонии и видели огромную заботу, настойчивость, самоотверженность «завкола», и это на них неизбежно влияло. Они бравировали, чтобы «не потерять лица» (в своём понимании) друг перед другом, но какой-то, пока не заметный на поверхности, душевный процесс в них происходил. Вот если бы А.С. Макаренко избил Задорова в первый же месяц его пребывания в колонии, то тогда действительно «мог быть избит им». Однако к тому времени, когда это реально произошло, человеческая связь между ними, благодаря огромному влиянию личности А.С. Макаренко, уже была сформирована, хотя ни воспитанник, ни сам педагог ещё этого не осознали. «Завкол» уже был для воспитанников **не чужим** человеком и большим **авторитетом**. Его поступок доказал, что он смелый человек, что он готов рисковать своим благополучием, даже свободой, что усилило уважение к нему.

И мы видим, что избиваемому даже в голову не приходит сопротивляться: он испуган и просит прощения. Воспитанники увидели «не побои», не агрессию и не человеческое падение, когда педагог опускается на один уровень с хулиганом-воспитанником, они увидели «гнев», «человеческий взрыв», увидели **несгибаемое требование**: или подчиняйтесь дисциплине, или уходите из колонии! И гнев может быть по-разному воспринят, например, так: «А вы права не имеете!» (это слова Волохова*). Но по поведению воспитанников видно, что они уже чувствовали, что ОН имеет право, — не бить, конечно, а **требовать**, и требовать совершенно бескомпромиссно; они поняли, что ОН будет **требовать до конца**, что он добьётся своего, что им ничего не остаётся, как либо подчиниться, либо уходить.

* Макаренко А.С. Педагогическая поэма. М.: Худож. лит., 1987. С. 16.

И в дальнейшей судьбе колонии именно личность её заведующего играет решающую роль (что вовсе не отрицает значения технологии коллективного воспитания). Осенью 1922 г. А.С. Макаренко поступает в Центральный институт организаторов народного просвещения, уезжает в Москву, но очень скоро (через полтора месяца) ему пришлось вернуться, чтобы предотвратить «процесс распада» колонии*. Технология уже была, однако без своего заведующего колония почти мгновенно начала «распадаться». И сколько ещё раз удивительная человеческая связь А.С. Макаренко со своими воспитанниками не позволяла разрушать колонию враждебным ей силам!

* Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. т. 1. М.: Педагогика, 1983. С. 330.

Бесспорно, технология воспитания личности через коллектив А.С. Макаренко — одно из выдающихся достижений педагогики XX в. Но кто сумел ею воспользоваться? Почти никто. Его идеи лежат втуне, ими не пользуются практики. Ему пели и поют дифирамбы, но реально его технология игнорируется нашей педагогикой. Колония им. Горького, уникальное воспитательное учреждение, была намеренно разрушена, и нет никаких оснований считать, что сейчас её участь была бы другой. Видимо, тем, кто не способен работать по-настоящему, мешает педагогическое учреждение, в котором настоящая работа есть: слишком велик контраст, слишком явной становится собственная импотентность. Им хочется его уничтожить. Потом можно будет прославлять его создателя и объявлять себя его единомышленниками.

«Меня сейчас едят, — писал А.С. Макаренко Горькому в 1928 г., — а разве трудно меня есть? Когда организуется жизнь 400 ребят, да ещё правонарушителей, да ещё в условиях нищеты, так трудно быть просто должностным лицом, в таком случае необходимо стать живым человеком, следовательно, нужно и рисковать, и ошибаться*». Вот чего всегда не хватало нашей педагогике: живых людей, способных рисковать своим благополучием ради детей. Вот что нужно для педагогического успеха: творческая свобода, плюс ответственность за результат, плюс личность педагога-творца. В таком случае у места окажется и технология. Если же нет ни Личностей, ни свободы, то не спасёт никакая технология.

* Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. т. 1. М.: Педагогика, 1983. С. 243.

Кстати, сам А.С. Макаренко прекрасно понимал, что «педагогика — вещь прежде всего диалектическая», что не может быть установлено никаких абсолютно «правильных педагогических мер или систем*». Но эти слова прямо противоречат его же вере во всемогущество педагогической технологии. Если «педагогика — вещь прежде всего диалектическая», то педагогический процесс **не может быть стандартизирован в принципе** как процесс по сути своей творческий. Для управления им нужен творческий работник, а не вышколенный послушный профи.

* Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. т. 1. М.: Педагогика, 1983. С. 261.

Почему А.С. Макаренко не заметил этих противоречий в своих взглядах? Почему ему так захотелось верить во всемогущество педагогической технологии? Быть может, всё дело в том, что, реально понимая суть педагогического процесса как глубоко личностного, в котором решающим фактором является **качество личности** воспитателя (как понимает это, например, Менегетти*), мы придём к мировоззрению, которое может быть названо «здоровым педагогическим пессимизмом», поймём, что в нашем обществе успешное массовое воспитание пока **невозможно в принципе**, поскольку нет того количества Личностей, которое необходимо, чтобы управлять педагогическим процессом абсолютно во всех педагогических учреждениях. А.С. Макаренко же хотел верить в быстрое массовое «производство» нового человека, и в этом смысле он был типичным утопистом. Нынешние российские педагоги, очевидно, хотят верить в быстрый и лёгкий педагогический успех за счёт использования хороших технологий. И тогда нам всё нипочём: не помешает ни социальное положение учителей, ни то, что учителя идут зачастую случайные люди, без призвания, не сумевшие (или не рассчитывающие) поступить в престижные вузы; что 90% наших педагогов — женщины, что наши педагоги-

ческие вузы готовят специалистов-предметников, но совершенно не воспитывают педагогов. При такой вере в хорошие технологии уже не пугает развал системы управления образованием; абсолютно неважна страшная оторванность нашей педагогической теории от практики, существующих будто в параллельных мирах. Абсолютно неважно, **кто** у нас работает с детьми, ведь всё равно будет успех благодаря **правильным технологиям!**

* Менегетти А. Онтопсихологическая педагогика. Пермь: Хортон Лимитед, 1993. С. 9, 13.

Это и есть «соблазн технологизма» в педагогике. Соблазн идти ложным путём, который легче истинного, но к успеху никогда не ведёт. А на самом деле хорошая педагогическая технология — важная и нужная составляющая педагогического процесса, но далеко не главная и не обеспечивающая успеха. «Строго научное проектирование и точное воспроизведение в классной комнате гарантирующих успех педагогических процессов»*, обещанное В.П. Беспалько, возможно только в воображении, но не в действительности. К несчастью, люди, привыкшие мыслить утопически, чаще всего не в состоянии полностью излечиться от этой психологической болезни, они лишь меняют одну утопическую веру на другую.

* Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. С. 3.

В действительности же главным определяющим фактором педагогического процесса является **человеческая связь** воспитанника и воспитателя, качество которой определяется качеством личности воспитателя. Чтобы воспитывать и обучать, нужен Педагог: именно так, с большой буквы. А это значит, что нужно привлекать в педагогику тех, у кого есть призвание к работе с детьми. Их нужно воспитывать, но мы этого делать не умеем, да и не стремимся. Мы даже не знаем, как это нужно делать, и возможно ли это вообще. Вот почему на самом деле «у нас очень мало нового, а если оно и зарождается, то исключительно благодаря отчаянным усилиям отдельных лиц, которым приходится при этом лезть не на один рожон»*.

* Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. т. 1. Педагогика, 1983. С. 237.

Педагогике нужна Личность. Без этого не может быть ни успешного воспитания, ни полноценного обучения.